

18+

МИСТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ДЕВУШКИ КАТИ

Евгения Пёрышкина

The book cover features a stylized illustration of a young woman with long, wavy, reddish-brown hair, wearing a light-colored trench coat over a green dress. She stands in the foreground, looking directly at the viewer. Behind her, a young man with short brown hair, wearing a dark suit and tie, stands looking slightly to the side. The background shows a large, multi-story building with many windows, and trees with pink blossoms, suggesting a spring setting. The overall color palette is warm, with soft pinks, purples, and greens.

Евгения Пёрышкина

Мистическая жизнь девушки Кати

«Издательские решения»

Пёрышкина Е.

Мистическая жизнь девушки Кати / Е. Пёрышкина —
«Издательские решения»,

Эта книга основана на реальных событиях. Девочка Катя взаимодействует с потусторонним миром и из-за этого всю жизнь чувствует себя «белой вороной». На самом же деле Катя — обычная провинциальная девушка, которая родилась в небольшом городке. Она, как и многие другие девушки ее возраста, желает найти свою вторую Половинку. Однако Катя даже не подозревает, насколько будет тернист её путь. Сможет ли сила чистой Любви девушки пройти все испытания? Это зависит от самой Кати.

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ГОДЫ	7
Глава 1. Переезд в город	7
Пророчество	10
Не судьба	12
Глава 2. Всё дело в самолетах	15
Когда за бортом гроза	15
Донос	15
Сибирские рейсы	16
Простой русский Василий	17
Зверь, утомлённый буйством	18
Не забывай	20
Жизненные уроки	21
Глава 3. Не — друзья	23
Музыка для домового	23
Как я застряла в лифте	24
В «объятиях» чужака	26
Гость	27
Неожиданная атака	27
Друг — ремонтёр	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мистическая жизнь девушки Кати

Евгения Пёрышкина

Дизайнер обложки Софья Мироедова

© Евгения Пёрышкина, 2026

© Софья Мироедова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-7944-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Существует немало людей, которые обладают иррациональным мышлением. Они способны вступать в контакт с обитателями неорганических миров. У этой категории людей в той или иной мере развито, так называемое, «чувство повышенного реагирования на неорганический мир». Катя относится именно к этой категории.

Катя — простая провинциальная девушка, которая хорошо училась в школе и слушалась маму и папу.

Но! С ней происходили всяческие непонятные вещи. Они мучили и отдаляли её от других людей. Эти вещи не были случайными или разовыми. Они происходили постоянно и, причём, в обычной повседневной жизни. Как после этого не закричишь: «Караул! Спасите! Помогите!»?

Катя не кричала. Никто бы не услышал, потому что не понял бы. Катя и сама мало что понимала поначалу. Слишком экзистенциально, слишком нестандартно, слишком... Катя вела дневник и регулярно записывала все невероятные истории.

Испытав на себе магическое воздействие тонкого мира, Катя решила однажды снять с себя «наваждение» и взять под контроль ту связь, которая каким-то образом их соединила.

Кроме этого, девушка надеялась на долгожданную встречу со своим парнем, другом, возлюбленным, когда шла на прогулку одна или с подругами, на дискотеку, в кино. Она ждала эту встречу каждый день...

Порой с новой силой сильнейшая тоска охватывала всё её существо, и хотелось броситься в объятия первому встречному, не думая ни о чём... Внутренняя же чистота и острое чувство красоты останавливали Катю от безумного шага.

Оставалось лишь верить, что Судьба ещё не свела её с тем человеком, о котором она могла бы сказать «один и навсегда».

Когда же Катя повстречает свой идеал мужчины?

Где и как она узнает его?

И вообще, существует ли он на этом свете?

Несколько особенностей о самой книге.

Во-первых, книга является первой в серии «Однажды происходит Встреча». У неё есть продолжение «Танец двух половинок» и «Когда уже не ждешь».

Во-вторых, книга написана не только для того, чтобы поделиться с читателями происходящими событиями, но показать, что пространство вокруг нас, где бы мы ни были, что бы ни делали, всегда на связи. Оно не молчит, оно постоянно ведёт с нами диалог. В книге достоверно и прямо показано, как именно оно разговаривает, при помощи каких средств и какими способами можно слышать его. Также надо иметь в виду, что мало уметь слышать пространство, его нужно уметь понять.

Кроме того, иногда глава завершается коротким аналитическим комментарием, а также философскими размышлениями, написанными в стихотворной форме.

Итак, приглашаю вас в путешествие, происходящее на стыке двух миров.

ЧАСТЬ 1. УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ГОДЫ

Глава 1. Переезд в город

Идеал, которого нет на свете

В ту последнюю ночь каникул печальные, горькие мысли толпились в сознании девушки Кати.

«Каждый прожитый день уходит в недостижимое вечное Прошлое. Неотступно, день за днём, неделю за неделей поглощает ненасытное время лучшие годы. Прошлое невозвратно, никогда не вернётся и юность. Прекраснейшая пора незаметно уходит, и нет такой силы, которая могла бы задержать её хоть на миг. Совсем скоро придёт мой день рождения. И полетят новые дни, недели, месяцы. И бесстрастное время, всё также, размеренно и неутомимо, будет крутить веретено и пряхать непрочную нить обыкновенной человеческой жизни, — думала я. — Почему я одна? Почему у других есть друзья, а у меня нет? Чем я хуже? Неужели я никому не нравлюсь?»

И слезы, неизменные спутники подобных размышлений, наворачивались на глаза.

«Я симпатичная, у меня красивые длинные волосы, стройная, немного спортивная фигура. Что же ещё надо? Парни ходят и с гораздо менее привлекательными девчонками. А почему у меня до сих пор нет друга?..»

Проклятие судьбы

Как скоро совершится то,
Что с трепетом я призываю?
Где тот, о ком я так рыдаю,
Где тот, кого любимым нареку?..

Уныло протекают дни,
Без цели топчутся желанья.
О Небо, неужели Ты
Сочтешь пустыми все мои страданья?

Я в стороне...
Словно меня вокруг
Очерчен злой рукою круг.
Одна, одна, одна...

Полярным холодом объята,
Безмолвием пустынь окружена
И как давно забытая страна,
За гордый нрав я сожжена дотла.

И для других —
Бурлит гроза и водопад грохочет,
И для других — режут ветра
И пена на волнах хохочет.
А для меня — опять зияет пустота.
Так где же молодость
Счастливая моя?..

Разверзнься, Земля,
Прими мои стенанья,
Сними с меня Проклятие Судьбы!
Я одиночество свое свергаю,
С рождения душившее меня!

Тоска и одиночество повергли Катю в полное уныние, и жизнь казалась совершенно бессмысленной и никчемной.

Молодость не умеет испытывать длительное время одно и то же чувство, каково бы оно ни было по силе. И Катя, немного успокоившись, уснула.

Кате нравились все красивые и стройные парни, по возрасту старше её самой. И тот молодой человек, кому она на текущий момент отдавала предпочтение, не догадывался и не придавал значения горящим, украдкой бросаемым на него взглядам малолетки. Лишь изредка мелькала чья-нибудь многозначительная улыбка или скользил чей-нибудь любопытствующий взор по Катиной фигуре. И всякий раз, когда девушка замечала эти знаки такого чуточного внимания, она вся как-то смущалась, сжималась и начинала крутить и вертеть глазами в разные стороны.

От волнения, робости и, главное, от напряженного ожидания, что с ней сейчас могут познакомиться, девушка теряла координацию движения. Если с ней рядом случался стул или дверь, либо чья-нибудь нога или камень на дороге, то она неловко зацеплялась, запинаясь. А если нескромный взгляд или улыбка заставляли Катю смеющейся, то её заразительный смех моментально менялся и становился каким-то шипящим и свистящим.

Где уж ей тут кокетничать или — Боже упаси! — соблазнять, если она не могла смотреть открыто на нравившегося парня. О таком Катя смела только мечтать...

И она мечтала.

Позабыв об уроках и обо всём на свете, она отдавалась на волю своего воображения и переносилась в более счастливый для неё мир — в мир, где она встречалась со своим, не найденным на земле идеалом. Неутолимое желание встречи с её Судьбой порождала удивительное разнообразие способов, неординарность ситуаций и обстоятельств, при которых происходило воображаемое знакомство.

«Стояли самые жаркие дни лета, — так начиналась очередная Катина фантазия. — В одни из них мои подруги Света и Надя расположились у меня на балконе. Мы ждали, когда спадёт жара, чтобы потом идти купаться на речку, протекавшую недалеко.

А пока Света и Надя гадали на картах, а я лениво глазела по сторонам.

Была среда, время послеобеденное, людей — редкий прохожий. В нашем городишке люди не часто пробегают мимо нашего дома.

— Эй, девочки, смотрите! — почему-то шёпотом сказала я, выглядывая с балкона на дорогу.

Заинтригованные моим странным жестом, подружки тоже посмотрели вниз.

С высоты второго этажа моего кирпичного дома нам открывалась следующая картина. По дороге двигался, именно двигался, а не шёл, молодой человек, лет двадцати, немного худощавый, с ярко выраженной для этого времени года белой кожей. Он с трудом волочил объёмную спортивную сумку. Но что-то непонятное, непривычное чувствовалось в его поведении. Казалось, что кто-то невидимый тянул его, а он обречённо подчинялся. Почти каждый шаг он останавливался, оглядывался и с отчаянием смотрел куда-то вдоль улицы, словно поджидая кого. Через несколько минут он скрылся из вида.

Изумлённые, мы, как любители подобного рода странностей жизни, не медля ни секунды, выскочили из дома с намерением следовать за незнакомцем.

Очутившись на улице, мы едва не столкнулись с быстро бежавшим пареньком.

— Вы тут высокого парня с сумкой случайно не видели? — запыхавшись, спросил он.

Через минуту мы все вместе мчались следом за бывшим здесь недавно молодым человеком. Неожиданно улица обрывалась и упиралась в другую, расположенную перпендикулярно. Но ни в той, ни в противоположной её стороне странного юноши не было видно. Тогда нам пришлось остановиться и обсудить дальнейшие действия.

Сейчас я могла рассмотреть нашего спутника более внимательно. Крепкого сложения, благородная шея, привлекательное лицо, русые волосы в оригинальном зачёсе, свободная манера говорить и двигаться.

Заглядевшись, я не сразу заметила, что он тоже смотрит на меня...»

Как бы подобные фантазии не могли показаться пустыми человеку практичному, у мечтательной же Кати постепенно определялся образ друга, мужа, образ ее идеала.

Образ

Он любит волю,
И я — взбираться в гору.
Он любит стужу,
И я — на корабль садиться в бурю.

Дожди способен созерцать,
Всю ночь дрожа в благоговенье.
И четырёх ветрам себя отдать,
Вдыхая запах их до упоения.

Неутомимый, жадный до дороги —
Куда б ни позвала судьба.
Всегда он будет наготове,
И я с ним буду до конца.

Мы с ним — единая душа,
И оба верим в чудеса.
И каждый может превратить
Жизнь — в праздник навсегда!

Пророчество

Катя поступила в ВУЗ, и ей пришлось переехать из родного посёлка в город.

Будучи школьницей, она как-то не задумывалась о той всемогущей силе, которую называют Богом. Наверно не приходилось. Бог был для провинциалки всегда каким-то абстрактным и далёким существом. Но после того как она однажды на собственном опыте убедилась в Его существовании, то всецело и бесповоротно поверила в Него.

«...Я училась в университете на втором курсе, когда это случилось. Снимала однокомнатную квартиру, находящуюся со всеми пересадками в полуторачасовой езде от места учебы. Моя учёба проходила во вторую смену, и домой приходилось возвращаться, когда на улицах зажигались фонари. Сначала проходила через тёмную арку дома. Я её страшно боялась. В воображении вспыхивали самые ужасные сцены, которые обычно происходят в таких местах, и мои нервы всегда были натянуты до предела. Затем предстояло зайти в свой подъезд, где никогда не горел свет, да и около подъезда тоже, потом в полутьме добираться до своей квартиры на четвёртом этаже. И когда я, наконец, оказывалась дома, то чувствовала, что совершенно измотана и полностью разбита. К тому же была невероятно измучена голодом, так как в университетских столовых не кушала, причём не столько ради экономии, сколько из-за своей крайней застенчивости.

Одетая в коричневый свитер и синие джинсы, с косой, как у школьницы, я робела перед яркими и самоуверенными одноклассниками, которые с лёгкостью знакомились друг с другом и заводили дружбу. Бесконечные их разговоры о шмотках, косметике, машинах, магазинах, нимало не интересовавших меня, а также обсуждение преподавателей и однокурсников претило моей душе.

Помимо университета я никуда не ходила, а в выходные сразу уезжала домой. От тоскливых часов одиночества спасалась книгами. Нам задавали читать много разной литературы, и с наступлением вечера я всегда спешила погрузиться в созданный автором мир. И этот мир оказывался единственной реальностью, в которой забывался враждебный для меня университет, холодные автобусы, пустые и озлобленные лица в них...»

Тихая, домашняя провинциалка, никак не могла привыкнуть к большому и мрачному городу, со своим отшельничеством и отчуждением в нём.

«...Ко всему мне нелегко давалась учёба. Если кому-то требовалось несколько минут, чтобы выучить заданное, то я затрачивала в два раза больше времени на то же самое. Все свои «неуспехи» переживала на очень глубоком уровне и проводила дотошный самоанализ и безжалостно критиковала себя. Кончилось это тем, что я «съела» саму себя.

Однажды утром проснулась со страшной тяжестью в голове и высоченной температурой. Хотела было встать, но, едва приподнявшись, бессильно рухнула обратно на подушку: тело не повиновалось. У меня не было ни таблеток, ни телефона и никого рядом, кто бы мог помочь.

Лёжа плашмя на постели и не будучи в состоянии даже думать, я то проваливалась в чёрную губчатую пустоту, то выныривала назад. И тогда, с трудом поднимая тяжёлые веки, смотрела на потолок, пока забытые снова не утаскивало меня.

Так прошли сутки, наступили вторые.

Едва проснувшись, ощутила жгучую сухость во рту. Мозг громил сигнал жажды. Пить! Быстрее пить! Жжение во рту усиливалось с каждой секундой. Пить!! Пить!!! Этот сигнал, как непрерывный электрический разряд, разрывал моё сознание.

Огромным усилием воли заставила себя повернуться на бок и перевалиться через край раскладушки на пол. Пробовала подняться на ноги, — ничего не получалось. И тогда не помню, как я очутилась на четвереньках. И очень медленно, то и дело, натываясь на какие-нибудь вещи, поползла на кухню.

На кухне водопроводный кран для моего положения и состояния располагался высоко-вато. Испытывая тошнотворное головокружение и ужасную ломоту в голове, перебирая по стене руками, я начала медленно подниматься. Достигнув уровня раковины, повисла на ней всем телом и открыла кран. Страждущие губы долго и жадно ловили струйку ржавой и пахучей воды. Боль притупилась, и обратный путь совершила уже на ногах, но они едва удерживали набрякшее тело, согнутое почти пополам.

Как далеко постель! Быстрее бы уже лечь!

Наконец я дотащилась до раскладушки и кое-как взгромоздилась на неё.

Где-то вдали забил колокол. Гулко и надтреснуто. Его звон болезненно отзывался в голове.

Странно, не знала, что здесь есть церковь.

Гул приближался. Бум-м-м! Бум-м-м! Резкие и беспощадные удары большого медного колокола раздавались уже прямо за моим окном.

Но около дома нет церкви!

«Ну, она, наверное, где-нибудь между домами, и я не видела её, — пыталась успокоить сама себя. — Этого не может быть!»

В голове снова все замутилось, и мрак забытья поглотил меня.

Когда очнулась, в комнате сгустились тени. Спать не хотелось. Я включила стоящую на полу рядом с раскладушкой лампу, взяла лежавшую неподалёку книгу, которую начала читать несколько дней назад, моего любимого Достоевского со своим «Преступление и наказание». Открыла его и перенеслась в туманный Петербург.

Правда, ненадолго... Хлёсткая головная боль и нестерпимый жар в теле, несмотря на моё сопротивление, скоро вырвали меня из мира книги. Я выключила свет, ставший уже раздражать мои воспалённые глаза, и откинулась на подушку. Мысли словно только этого и ждали. Они набросились на меня, не давая опомниться.

Зачем я в этом мире?

Каково моё предназначение?

Как узнать себя?

Что ждёт меня в будущем?

Эти вопросы атаковали меня снова и снова. И мне нечем было сдерживать их яростный натиск. Ни одного стоящего оружия в моём арсенале.

Какие-то легковесные и мелкие мыслишки. Тем не менее, во мне жила твердая уверенность, что ответы на эти вопросы есть и что их необходимо найти, во что бы то ни стало. Но как бы я ни металась в их поисках, как ни гонялась за ними, ответы не давались. Они, словно быстрые рыбки, ускользали из самых рук, обдавая меня миллиардами брызг. Их пенистые пузырьки застилали всё вокруг, и я терялась в их бесчисленном множестве.

Лежала в темноте, не имея о времени ни малейшего представления. Часы остановились ещё вчера. И лишь тёмно-синее пятно окна немного разбавляло черноту осенней ночи.

Голова пылала, как огненный шар. Я плохо осознавала, что со мной, где и кто я.

Вдруг в комнате напротив окна появилось серебристое свечение. И почти сразу послышался голос. Негромко, но отчётливо он произнёс:

— У ТЕБЯ ВПЕРЕДИ МНОГО ИСПЫТАНИЙ. НО ЧЕРЕЗ НИХ ТЫ БУДЕШЬ СЧАСТЛИВА.

Это немногословное пророчество отпечаталось в моём мозгу. Тогда я ничего не поняла. Услышанные слова ни о чём не говорили.

Когда это будет?

Какие испытания?

И особенно было непонятно, как это — «счастье через испытания».

Наверное, я всё пойму позднее...

В тот момент меня больше занимал не смысл услышанного, а факт того, что они были сказаны.

И кем?

Богом! Сам Бог говорил со мной!!!

И это было всё, о чём я тогда могла подумать.

Вскоре глубокий и спокойный сон укрыл меня своим призрачным покрывалом.

Проснулась оттого, что солнечный свет играл на моём лице. И сразу стало понятно — я здорова!

Когда на следующий день пришла в университет, даже никто не спросил, почему я отсутствовала столько времени. Этого, казалось, никто и не заметил. А я так беспокоилась...»

Пророчество сбудется... со временем.

А пока Катя усердно училась. Была успевающей студенткой и уже почти владела английским на продвинутом уровне и свободно разговаривала с иностранными студентами.

К тому времени ей дали комнату в общежитии, и она переехала ближе к университету.

Не судьба

«...У вас когда-нибудь выросли за спиной крылья? Огромные, мощные, на которых можно летать?»

Если да, то, значит, вы когда-то по-настоящему любили.

В такие моменты не думаешь ни о прошлом — его нет и не было... ни о будущем... — вы счастливы в настоящем. И молодость уносит вверх, и даже не смеешь помыслить о том, что полёт может закончиться в самый неподходящий момент, тогда, когда уже набрала высоту и мир сияет всеми красками. Нежданный порыв штормового ветра гасит парение. И сломаны крылья и разлетелся пух...

Я не знала, что с ним, где он, просто ждала.

Пять месяцев после того, как он уехал в командировку. Пять месяцев он приходил ко мне во сне.

Каждую ночь я слышала стук в дверь своей комнаты. И на пороге возникал он. Проходил, садился на кровать (стульев в комнате не водилось) и говорил: «Всё в порядке. Я пришёл». Мы сидели и разговаривали. Он гладил мои волосы.

А утром я просыпалась с надеждой, что сегодня обязательно его увижу. Дни шли за днями, складываясь в месяцы. И уже не хотелось, чтобы наступало утро — торопила приход вечера и... во сне опять мы встречались.

Его звали Сергей. Познакомились мы с ним на улице, в середине осени. Он приехал на такси, собираясь что-то купить в ларьке. Я же только что отходила от него. Глаза наши встретились. Так встретились две души...

Странная у нас вышла история.

Он пригласил меня на следующий день на свидание, а встретились мы только через месяц.

Придя в назначенное время к гостинице, в которой он жил, я прождала пятнадцать минут, он не появлялся. Сколько ещё его ждать? Наверное, смотрит в окно и потешается над моим хождением взад-вперед перед дверями гостиницы.

Тогда я перешла на второй курс университета. Он был старше меня на семь лет. Большой, широкоплечий, спокойный, сероглазый и с топорщившимися на самой макушке русыми волосами Сергей представлялся мне воплощением всех моих мечтаний.

Медленно пошла прочь. Мечты не сбылись. Проходя мимо телефонного аппарата, мне показалось, что парень, стоявший спиной ко мне, Сергей. Я не окликнула его, — боялась обознаться. Или не хотела, чтобы он увидел, что я пришла, столько времени прождала, а вот теперь иду ни с чем домой.

Он нашёл меня сам. Через месяц. Возник около меня и спрашивает:

— Ты почему не пришла в тот раз?

— Я приходила. Это ты не пришёл, — возмутилась я. — А во сколько ты приходил?

— В семь.

— А я ждала в шесть. Ты же сам говорил.

— А я запомнил, что в семь.

Через несколько дней он принёс мне новый музыкальный центр. Сказал: «Тебе». Поставил на мой выщербленный общежитский стол и начал проверять, как работает новая аппаратура. Покрутив все настройки, оказалось, что не работает «Запись». С техникой Российского производства такое случалось.

— Унесу брату, он посмотрит... — и добавил с хитрой улыбкой. — Не спутай меня с ним, если увидишь когда-нибудь на улице. Мы с ним близнецы.

И правда, когда они оба появились у меня на пороге с исправленным музыкальным центром, я была поражена их сходству. Почему-то вспомнилась телефонная будка и парень, стоящий в ней ко мне спиной.

Перед Новым годом Сергей спросил меня: «Что подарить твоим родителям? Мы едем к тебе».

— Правда?

Он многозначительно подмигнул.

Я была счастлива. У меня выросли крылья. И я летала. Но не долго. Сергею понадобилось уехать в срочную командировку на три дня.

— Ты меня будешь ждать? — спросил.

— Буду.

Командировка оказалась бессрочной...

Через пять месяцев узнаётся — его убили на бандитской разборке.

...Когда я однажды спросила у него, чем он занимается, он только сказал, что у него есть свой бизнес, а какой он не уточнял...»

Понятно, что для Кати это достаточно туманная история оказалась сильным стрессом.

Она опять с головой окунулась в учёбу и со временем воспоминание о нём затуманилось...

Ну, был... и не стало...

Нашёлся и пропал.

Ну, и Бог с ним...

Дело молодое, стресс сгладится, мечты останутся. Катя училась, время шло. Мечтать о встрече со своим суженым она не переставала.

Смирение явное — бунт тайный

Кто говорит, терпи,
И вымолишь прощенье.
Кто говорит, бунтуй —
И будет наслажденье
Душе, что так страдала.
Где истина? Для каждого она своя.
Пусть кто-нибудь бунтует,
А мне же суждено мириться.
Я чувствую себя графиней Монте Кристо,
Хоть и не сразу, но богатство,
Словно в награду за немалые мученья,
Графу было дарено в тюрьме.
Но его он заслужил.
А заслужу ли я
Свое освобожденье?..

Глава 2. Всё дело в самолетах

Тема «самолеты», сама по себе является немного оторванной от реальности. Она связана с небом, а, значит, она возвышенная и романтическая. Но в жизни Кати эта тема почему-то оказалась связанной с... едой. Вот так приземлённо и материально.

Когда за бортом гроза

Катя в то время окончила третий курс университета. Чтобы немного подзаработать, она устроилась в местный аэропорт стюардессой. Расскажу о самой работе Кати в «большой семье» — «Аэрофлоте».

«...Знающие люди не раз говорили, что „аэропорт — это одна большая семья“. И я очень хорошо это почувствовала, когда начала летать. Каждый рейс разные стюардессы как бы между прочим задавали мне один и тот же вопрос: „Ты чья?“ А я была ничья, со стороны. Девушка, которую пригласили подработать летом на авиалиниях, по какой-то причине отказалась, и мне предложили заменить её. Все препоны при устройстве в аэропорт я прошла с помощью моего благодетеля, человека, взявшегося устраивать меня на работу. Так „большая семья“ стала и моей семьей...»

Благодетелем, сейчас давно вышедший на пенсию, являлся отцом друга двоюродной сестры Кати.

«В мой первый рейс была очень плохая погода, шла штормовая гроза, и самолёт болтало из стороны в сторону. Весь полёт я провела на служебном сиденье у входа в кабину пилотов, ничего не видя и не слыша, кроме целлофанового пакета перед собой и рева бури за иллюминатором. Я жестоко страдала, меня выворачивало наизнанку.

Думала, что меня уволят, как только мы вернёмся в аэропорт. Но, видимо, мне было необходимо пройти огонь, воду и медные трубы, и судьба дала ещё шанс.

В конце рейса, немного придя в себя, старшая стюардесса, оказавшаяся очень доброжелательной женщиной, подсказала способ, которым можно было привести себя в работоспособное состояние к следующему разу.

Все три дня, что отделяли меня от новой попытки полёта, я массировала точку за ухом, отвечающую за вестибулярный аппарат человека, до изнеможения, до боли пытаюсь нормализовать его работу.

Неужели всё кончится, так и не начавшись?

И через три дня, едва сдерживаясь, борясь с тошнотой, прикидываясь, что у меня всё отлично, я выдержала рейс...»

Донос

А потом, ещё несколько взлётов и посадок, и, наконец, ко мне пришло чувство, что могу летать, не пользуясь точкой для массажа.

Всё бы хорошо, да характер меня вынес на другие проблемы. Кому-то приходилось работать на кухне, другие шли обслуживать пассажиров в салон. Интереснее, конечно, было идти в салон, особенно на московских рейсах.

Столичный рейс считался элитным, там всегда можно было встретить немало «денежных мешков», которые за сервис на высоком уровне и за должное обхождение могли и чаевыми

одарить, а интеллигентные и культурные люди могли бы и телефончиком побаловать. Незамужних стюардесс в «Аэрофлоте», увы, было большинство.

Было смешно наблюдать, как некоторые стюардессы, нахертевшись перед зеркалом, напудрившись и нарумянившись, одернув короткую юбку, мчались к пассажирам.

А меня как безответного стажера постоянно ставили на кухню. Правда, когда мы везли рабочих-вахтовиков в Сибирь, тогда, не спрашивая моего согласия, меня выпихивали в салон. Усталые, грязные, потные пассажиры никого из экипажа не интересовали. Кстати, и меня тоже... В свои восемнадцать лет я думала, что неотразима и хотела получить свою долю внимания. И получила.

После окончания своей работы, когда до прибытия в аэропорт остаётся минут пятнадцать, стюардессы любят занимать свободные места среди сидящих в салоне. Это гораздо удобнее, потому что служебные места — маленькие складные стулья, прикрепляющиеся к стенкам у выходов самолета.

Как-то, когда я разносила чай, один из пассажиров — симпатичный молодой мужчина, сидящий в самом конце самолёта, пригласил меня, если будет время, поболтать. Не находя в этом ничего предосудительного, — другие стюардессы делали то же самое, — по их примеру на время посадки самолета подседа на пустующее место рядом с этим человеком. Пока мы с ним о чём-то говорили, мои коллеги, которые все на этот раз остались на кухне, несколько раз нервно выглядывали из-за шторы, отделяющей служебное помещение от салона. Не придав этому никакого значения, я спокойно болтала с общительным молодым человеком.

После этого был первый донос на меня! В нем значилось, что я «флиртвала с пассажирами, гнушаясь своими обязанностями»...

Но об этом я узнаю гораздо позднее, когда истечет время контракта. А пока полеты-рейсы продолжались.

Сибирские рейсы

Сибирские рейсы — длинные и с промежуточной посадкой, они требуют двух экипажей на борту лайнера. Во время своего отдыха на обратном пути сменный экипаж стюардесс и летчиков, прикупив кедровых орешков и водки, расслаблялся на первых четырёх рядах кресел.

Я же предпочитала дремать, отсеив от всех на последний из этих рядов. Однажды в один из таких рейсов ко мне присоседился один из успешных «согреться» пилотов. Стал толковать о своей ко мне симпатии, в общем, прельщал чем мог. Мне было скучно. Сославшись на усталость, я отвергла заигрывания маститого летчика.

Так появился второй донос.

О нем также станет известно только при увольнении. И когда мой благодетель будет пытаться договориться о продлении моего контракта, то до его сведения доведут, что «во время работы я дремала».

После каждого рейса членам экипажа выдавался паёк. Меню пайка висело в помещении, в котором экипажи регистрировались перед своим рейсом. Я никогда не читала его и не обращала внимания на то, что паёк содержал при выдаче. Пайки были всегда очень большими, особенно на этих пресловутых московских рейсах. Паёк увеличивался ещё за счёт того, что оставалось после пассажиров.

Пакетики с сыром, сахаром, чаем, вода сладкая, лимонадная, минеральная. Всё это распределялось старшей стюардессой между членами экипажа. И каждому доставалась объёмная сумка с едой. Выдаваемых продуктов мне лично хватало на два-три дня (!) до следующего рейса.

Однажды краем уха я услышала, что написанное в меню не всегда соответствует выдаваемому, недостаёт то котлеты, то колбасы, то мяса. Недодаваемые продукты старшая якобы потихоньку продаёт богатым клиентам.

Как отравленное зелье подействовали на меня эти слухи. Я принялась сличать меню и содержимое своего кулька после раздачи, убеждаясь в справедливости сказанного. Во мне проснулось желание восстановить справедливость. (И это-то у стажера!) Я решила проконтролировать распределение пайков и проследить за процессом заполнения кульков экипажа в ближайший же рейс.

И вот когда настал этот щекочущий момент, заняв, как мне казалось, весьма нейтральную позицию, а, именно, — встав на кухне за спиной старшей на некотором расстоянии от неё, я сложила руки на груди и устремила взгляд в пространство перед собой.

Все обомлели. Остальные члены экипажа, как обычно, стояли у выхода. Одни с испугом, другие с любопытством, а опытные с сожалением наблюдали за сценой. Никто до этого не смел подступаться к сакральному месту. Старшая, оглянувшись и очень выразительно посмотрев на меня, продолжила своё действие: кому больше, кому меньше. А я чувствовала себя героем, вставшим на защиту интересов рядовых коллег. Именно этот ложный героизм меня и вычеркнул из рядов стюардесс.

И так на меня донесли начальству в третий раз. После этого и наступил горький момент — меня уволили.

Мой благодетель сделал попытку спасти меня и пошел к начальнику службы. Выйдя слегка потеряннм после приватного разговора, пояснил, что мне следовало бы вообще отдавать свой паёк старшей, чтобы заслужить её любовь и расположение.

Говоря по правде, мой паёк доставался моему соседу по общежитию. Я не ела ни бифштексов, ни котлет, которые нам выдавались, а подкармливала ими своего собрата. Может быть, это доброе дело зачтётся мне где-нибудь в другом месте?..»

Об этом соседе речь пойдёт в следующем рассказе.

Простой русский Василий

«... «Аэрофлот» заключил со мной контракт на три месяца. В основном меня ставили на московские рейсы, как я уже говорила, они были не только самыми востребованными и богатыми, но и короткими по времени. Рейс длился всего один час сорок минут. Паёк, который получали пассажиры, отличался от пайков на других рейсах. Он всегда содержал мясо-продукты. Это могла быть сочная котлета или хороший кусок колбасы. Кроме того, в него входил сыр, хлеб, часто салатик, а ко всему также прилагалась сладкая булочка.

Поскольку рейс был коротким, многие пайки пассажиры не успевали употребить. Многие отказывались сами, а некоторые спали. Все неиспользованные пайки собирались старшей стюардессой и после рейса раздавались членам экипажа. И даже я, как новичок и стажер, не уезжала домой без полного пакета снеди.

Для жизни в общежитие такой прокорм был как манна небесная. Принесённых после рейса пайков как раз хватало до следующего рейса, который случался через два-три дня, но только мясо в то время не входило в мой рацион, и оно в большом количестве скапливалось у меня в холодильнике. Не хотелось его выбрасывать — еда же все-таки и вкусная еда.

В общежитие летом жили только работающие студенты, каковых в то время было не так и много. В блоке, где находилась моя комната, кроме меня, никто не жил.

И однажды я познакомилась с одним молодым человеком. Он стоял на балконе и дышал воздухом. К тому моменту у меня лежало несъеденными несколько котлет, которые нужно было срочно реализовать. Я предложила молодому человеку бесплатный ужин.

Моё предложение его развеселило.

Он представился. Его звали простым русским именем Василий. Я объяснила, откуда у меня излишки еды, и он согласился помочь найти им применение. Василий зашёл ко мне в гости, поел. Его корректность и общительность расположили к нему. Как оказалось, Василий был старше меня лет на пять и тоже где-то работал.

— Вася, ты можешь приходить ко мне на ужин, каждый раз после того, как съезжу в рейс.

— Очень заманчивое предложение. Хорошо, — сказал он с улыбкой.

— Когда у тебя следующий рейс в таком случае?

— Через два дня. Приеду после восьми.

— Отлично, я примерно прихожу в это время.

Так мы стали ужинать вместе, конечно, не каждый день, а как только у меня снова появлялось что поесть. Нам хватало на двоих. Накануне я сообщала ему, когда у меня следующий рейс, и на ужин он приходил сам. Я даже не знала, где его комната.

Мне нравилась его компания, она скрашивала вечера между рейсами в пустом блоке.

Мы болтали о разном, и рядом с ним я чувствовала себя свободно. Это продолжалось до тех пор, пока вдруг однажды он не спросил:

— Катя, ты меня кормишь почти каждый день, а, скажи, я тебе нужен... вообще зачем?

Тут бы мне подумать, включить разум и проявить любовь к людям, но, похоже, эти функции в то время у меня не работали.

— Ты мне нужен, чтобы съесть мясо, я же его не ем, — совершенно не желая его обидеть, напрямую, без всяких обиняков, сказала я.

А то, что мне с ним весело и приятно проводить вечернее время, что он единственный, с кем разговариваю в общежитии, не сказала ни слова...

Он доел котлеты, аромат которых разошёлся по всей комнате, и твердо сказал:

— Если я тебе нужен только за этим, то я уйду. Спасибо за всё...

В тот момент я даже не успела сообразить, что теряю хорошего друга и забавного собеседника. Больше он не приходил. И теперь приходилось скормливать котлеты местным кошкам, жившим на первом этаже общежития.

Пользуясь случаем, приношу извинения этому человеку и говорю спасибо за прекрасное время, которое мы проводили вместе. Без общения с ним мне было бы жутко скучно...»

Возможно, на поведение Кати влияло место ее проживания во время работы бортпроводницей. И в следующем рассказе вам откроется такая страница Катиной истории, что, надеюсь, вы простите ее за такое вызывающее поведение в самолетных делах.

Зверь, утомлённый буйством

Катя жила в тесной, давно не знавшей ремонта, комнатухе. Её комната-двушка, предназначенная для проживания двух студентов, входила в четырёхкомнатный блок, где располагалась ещё одна такая же девушка и две комнаты, рассчитанные на четверых.

В блоке, кроме неё, на лето оставались ещё двое — студент и студентка. Они работали проводниками на железной дороге. И Катя их почти не видела, они постоянно находились в рейсах, и поэтому в блоке хозяйничала она одна.

«...У одной из четырёх комнат был сломан замок, и дверь не закрывалась. Проникающий в открытое окно этой комнаты ветер гонял дверь из стороны в сторону. Девочки, жившие в

комнате, покрасили раму перед своим отъездом, и окно осталось приоткрытым. Шпингалеты засохли в краске и моим усилиям — плотно прикрыть раму — не поддавались. То и дело я вздрагивала от хлопающего звука, разносившегося по пустому коридору общежития.

А поздно вечером, когда я стояла у раковины, умывалась или мыла посуду, в какой-то момент дверь той комнаты с треском распахивалась настежь, и из зияющего чёрного проёма разило холодом ночи и обдавало жутью потустороннего мира. Сердце моё начинало бешено колотиться. И вдруг — бряцц! Дверь резко захлопывалась. Я наспех домывала кастрюлю или дочищала зубы и пулей влетала к себе в комнату и запиралась.

Во время разыгравшейся ночью грозы, каких тем летом случалось немало, когда грохотал гром, сверкали молнии, и ветер неистово бушевал, почудилось, что какой-то мистический зверь, по воле ветра заброшенный в распахнутое окно той комнаты, врывается через её незапертую дверь в коридор блока. Там он в исступлении набрасывался на стены, толкался в двери, грозя выдавить их, как пробки. Он ревел и метался в поисках свободы... или жертвы.

Затем ветер постепенно стихал, и зверь, утомлённый буйством, тоже успокаивался и на последнем вдохе ветра уносился назад в свой мистический мир.

Одна такая ночь так меня измотала, что я попыталась как-нибудь закрепить болтающуюся дверь. Всё, что получилось сделать, так это просунуть между ручкой и косяком толстую деревянную палку. Дверь перестала открываться наотмашь. Но при сквозняке, возникавшем каждый раз, когда я выходила из своей комнаты или из блока, она, сдерживаемая палкой, начинала громко брякать и стучать. При этом ветер, бьющийся яростно в дверь и будучи не в силах сломать преграду, зловеще завывал в щели.

Когда ночью выходишь в блок, даже если комнаты кругом полны спящих студентов, чувствуешь, как кто-то за тобой надзирает. Этот кто-то обычно останавливается сзади на расстоянии шага и следит, не пропуская ни единого твоего движения. Большого удовольствия от этого, конечно, не получаешь. Спешешь закончить все свои дела и быстрее спрятаться у себя в комнате.

Теперь же, в совершенное безлюдье, когда все внимание фокусировалось только на мне одной и контролировалось только мои действия, это было невыносимо.

И вот однажды... я тогда умывалась... на стене перед собой увидела тень. Её огромный бесформенный силуэт слегка покачивался при неверном свете мутной лампы. В следующую секунду что-то коснулось моего плеча и нечто, похожее на слабый разряд тока, прошлось по моему телу.

Не помню, как оказалась у себя в комнате. Зубы стучали, кровь шумела в голове, руки тряслись. Долго не могла успокоиться — всё ждала появления этой тени в комнате.

После этого случая выйти поздно вечером в блок для меня представлялось сущей пыткой, и поэтому после двенадцати часов ночи старалась из комнаты вообще не выходить.

Спать ложилась только со светом. Но даже он не избавлял меня от тревожного чувства неясной опасности, исходящей из района дверей. И я не отрываясь затравленно смотрела туда, как пойманный кролик смотрит на удава в ожидании решения своей участи. Иногда света настольной лампы не хватало, и, чтобы разбить сковывающий меня ужас, включала верхний...»

«...Летом в общежитии, не считая обслуживающего персонала, живущего в основном на первых двух этажах, и работающих студентов, затерявшихся на остальных семи, никто не жил. И вероятность встретить какое-нибудь живое существо ночью равнялась нулю. А я нередко возвращалась из рейса после полуночи, и восхождение с первого на мой шестой этаж требовало от меня немалой выдержки.

В общежитии — леденящая тишина. Едва различимый во мраке узкого длинного коридора свет одной, редко двух ламп порождает в уме странные фантазии о старинных подземельях и живущих в них призраках и привидениях. А на лестничных площадках можно с лёгкостью распрощаться и с жизнью. Лампы там встречаются через один или даже два пролёта. Переходы из одного крыла общежития в другое, так же как и вторая лестница, не освещаются совсем. И не надо смотреть фильмы ужасов — прогулка по ночному общежитию в каникулы не хуже всякого мистического триллера изрядно пощекочет вам нервы.

В блоке сумрачно. Единственная лампа едва мерцает. Конец её близок. И она, словно догадываясь об этом, отчаянно пытается продлить свою жизнь хотя бы ещё чуть-чуть.

Как-то я возвращалась из очередного рейса, было около часа ночи. Дрожа всем телом от мёртвого безмолвия, царившего в общежитии в этот час, пробиралась к себе.

Стараясь не производить никакого шума, чтобы не привлекать чьего бы то ни было внимания, даже в своих беленьких туфельках со звонкими каблочками я осторожно поднималась по ступенькам на цыпочках.

При малейшем подозрительном звуке, доносившемся до моего обостренного слуха, у меня сердце падало в пятки, я замирала, балансируя на кончиках пальцев, готовая в любую секунду броситься вниз к спасительному свету первого этажа. И только когда тот шум затихал, продолжала свой полный опасностей путь.

Сюда не проникал даже свет луны: многие окна и балконные двери были заколочены фанерой. Все стекла в них были выбиты студентами, уехавшими на каникулы домой. При каждом порыве свежего ветра они громко хлопали, и звук этот гулко отдавался в необитаемых коридорах. Не помня себя от страха, бормотала слова приходившей на ум молитвы: «Господи, сохрани и помилуй. Спаси и защити от всякой нечисти и подобной ей твари».

Четвёртый этаж...

Пятый...

Вдруг прямо из-под ног выскакивает какая-то животина, то ли кошка, то ли крыса. От неожиданности я отпрянываю назад с воплем ужаса. Ну, наконец-то мой шестой и спасительная дверь в блок. Судорожно, напрягаясь до предела, сведёнными пальцами открываю замок, толкаю дверь, с нетерпением ожидаю света (свет в блоке никогда не выключался), а навстречу — полная темнота.

Я обмерла. Значит, лампочка всё-таки сгорела. Как теперь зайду к себе в комнату?! Впереди темно, сзади ещё темнее... И что делать? Бежать вниз, будить вахтёра? И что ей скажу: мне страшно, потому что боюсь темноты и привидений? И ведь надо ещё дойти до первого этажа, а если она не пойдёт, то и обратно...

Нет, уж... Все эти рассуждения лихорадочно проносились в моём мозгу. Вдруг что-то прошелестело за спиной. Я так перетрусилась! Держа наготове ключ от комнаты, вдёрнулась внутрь...»

Не забывай

Катя ехала из аэропорта на рейсовом автобусе. Её уволили, а точнее, не продлили контракт, на что она очень рассчитывала. Уволили на основе ложных доносов, написанных из-за зависти и, может быть, её неопытности. Больше Катя — не стюардесса.

«...На душе было скверно, обидно и досадно. Ну, и ладно. Слезы душили меня.

Я сидела на первом сиденье. В мои мрачные размышления настойчиво вмешивался громкий разговор молодого человека в солдатской форме с кондуктором. Он рассказывал о своих полученных ранах и при этом с готовностью демонстрировал следы от пуль и осколков гранат. Больше всего эмоций у него вызывала гноящаяся рана на ноге.

Наконец моё внимание полностью переключилось на солдата. Вынужденно. Потому что он, а его звали Алексей, как выяснилось, захотел поднять мне настроение. Слишком унылый был у меня вид, наводивший на окружающих тоску.

Алексей начал рассказывать всю свою историю заново. Теперь уже мне лично. И показывать ранения тоже. Из уважения к его переживаниям я терпеливо и внимательно его слушала.

На моей остановке он вышел вместе со мной. И с этого момента больше не отходил от меня ни на шаг! Не хотел отходить.

В городе Алексей был проездом. До дома ему оставалась ещё ночь пути. Но, как оказалось, он не торопился. Он радостно мне сообщил, что сегодня не уедет. Странно.

Высокий, худой, в тяжёлых сапогах, он выглядел ребёнком. Я не могла топнуть ногой и сказать: «Уходи». Что-то удерживало меня от этого поступка. А моё неубедительное «у меня много дел» совершенно на него не действовало. Он был готов следовать за мной, куда угодно. Так мы и ходили целый день. Куда я, туда и мой солдатик.

Наступило время идти домой. Пришлось укладывать его спать в моей комнате в общежитии. Моя соседка ещё не вернулась с каникул, и одна кровать оставалась свободной. Спал он смирно. Но лучше мне от этого не становилось. Я с нетерпением ждала, что на следующий день он уедет.

С утра ушла по своим делам, он — на вокзал. Попрощались. Каково же было моё удивление, или, лучше сказать, неудовольствие, когда я снова встретила его у своих дверей вечером. Да ещё в каком виде! На лице Алексея запеклась кровь, один глаз заплыл, не лучше выглядели и руки.

Спрашивать у него не надо было, что случилось. Он сам начал рассказывать. По его словам, он спокойно шёл по какой-то там улице, свернул в проулок, где у него попросили закурить «какие-то нерусские». Закурить у Алексея не оказалось, и за это его избили...

Слушая его историю, становилось ясно, что и сегодня он тоже не уедет. Ещё один вечер предстоит слушать истории Алексея, которые от постоянного повторения уже набили оскомину. Ни о чём другом, как о своих ранениях, он говорить не мог...

На следующий день я снова ушла по делам, а он, очевидно, — совершить очередную попытку уехать домой. Вечером, когда мы встретились, Алексей протянул мне тряпичную собачку с верёвочкой, чтобы можно было её повесить на гвоздик. На мой вопрос «где взял?» он замялся.

«Стащил?» — не очень тактично сделала я попытку догадаться.

Он кивнул и сказал, что сегодня ночью уезжает на ночном поезде. Купил билет. Потом он протянул мне звёздочку со своих погон. На память. И подарил фотографию, чтобы не забывала.

Вздыхнув облегченно, закрыла за ним дверь. Неожиданно спустя какое-то время после его отъезда где-то в глубине души у меня возникло чувство, как если бы что-то оказалось упущенным, словно я могла и должна была сделать что-то, но не сделала. Это было кошмаром. Алексея подвёл ко мне Бог, а я к нему не испытывала ничего, кроме раздражения...»

И Катя решила сделать это сейчас. Вспомнить о нём, поблагодарить его за тот маленький урок доброты, который он преподнёс, сам того не зная. Будь у Кати поменьше самонадеянности и эгоизма, она бы осталась работать в «Аэрофлоте» и, возможно, сделала бы там карьеру. Но судьбе угодно было, чтобы Катя пошла другим путём и познала «все прелести» неустроенности и неурядицы.

Жизненные уроки

послесловие

Самое главное

Самое главное, что в наше время надо понимать —
Уметь счастливым быть,
Особенно в условиях необычайно тяжких,
Что Богом дадено вам жить.
Иначе как еще дух свой вам закалять
И становиться стойким, прочным,
Если вы не пробовали, что такое страсть,
Не погибали в иллюзиях бездонных?
И лишь пройдя жестокий свой урок
Вы остановитесь в своем неверном шаге.
Лишь опытным идя путем,
Вы обнаружите в себе крупицу знания.

Иллюзии

Иллюзорно всё:
Страдания и боль, неправильное понимание,
Весь мир кругом —
Он создан нашими стараниями.
Иллюзии отриньте, вперед, друзья!
К открытию космических законов,
К открытию любви к себе
И восприятию откровений Бога.
Немного нам осталось до гудка
С ним вскроются все наши накопления.
Иллюзии сойдут как шелуха,
И вы окажитесь без права на ошибок исправление.

Жизнь

Жизнь — не значит жить в покое,
Довольствоваться бытием,
Плыть по течению, не споря
Ни с судьбой и ни с самим собой.
Жизнь, прежде всего, — уроков прохожденье,
Их осознание и уход от выученных тем.
Чем лучше будет тех уроков усвоение,
Быстрее произойдет на новый уровень подъем.

Глава 3. Не — друзья

Музыка для домового

Лето закончилось, и начиналась учёба. Катя училась с тринадцати часов, иногда пару ставили в одиннадцать. Она училась на филологическом факультете, и считалось, что филологи лучше всего соотносят днём, после обеда.

Занятия заканчивались, как правило, в 18.00.

Катя шла домой, готовила ужин, отдыхала и садилась за чтение книг, которые следовало прочитывать в большом количестве, либо выполняла другие задания. Иногда, устав от того и другого, Катя включала музыку. И однажды у неё вышла странная история.

Её соседка по комнате продолжала числиться как жилец, а при этом стала проживать в другом месте, у родственников. И Катя осталась жить в комнате одна.

«...В моей комнате нет телевизора, но есть магнитофон. И куча кассет. Какое-то время мне очень нравилась тоскливо-печальная музыка забываемой Милен Фармер. Я слушала её, не переставая.

Сколько бы её не слушала, как бы сильно она мне не нравилась, а спать ложиться всё равно надо. С сожалением выключила магнитофон, стоявший на столе, достала из него кассету, положила рядом и уснула.

Утром, едва открыв глаза, меня потянуло к кассете. Моя рука замерла на полпути. Там, где та была оставлена вчера вечером, сегодня ничего не было.

И нигде не было. В поисках пропавшей кассеты я пересмотрела несколько раз все другие, часть которых валялась на полке, часть — сложена в коробке, стоявшей под кроватью, заглянула в шкаф, поискала на подоконнике и даже в ящике за окном, служившем мне холодильником. Но всё напрасно...

У домового — думается, это был он — свои правила игры, которые нам неизвестны. Может быть, ему надоело слушать одни и те же мелодии, и он решил избавиться от них. Может быть, ему, наоборот, они пришлись по вкусу, и он забрал кассету себе. Так или иначе, кассета пропала.

Не помню, кто надоумил меня, — я попросила домового вернуть мне кассету назад, так как она мне очень была нужна.

И только через три месяца он вернул её...

Когда, лежа ничком на постели, нечаянно посмотрела вниз, то увидела потерю. В самом углу, под моей кроватью, задыхаясь от пыли, заброшенно жались к железной ножке моя «певунья». Дрожащими руками вытащив её оттуда, я чуть не расцеловала ее от радости...»

Больше Катя уже не слушала кассету, и она потом всё равно потерялась. Не нужно думать, что она смахнула её со стола во время сна, не заметив. Но даже если бы это и было так, то пол в комнате девушка как минимум подметала не раз в три месяца и не могла не заметить кассету!

Вообще, работа домового присутствовала в Катиной жизни постоянно.

Например, одно время было у девушки увлечение — она научилась гаданиям на картах, и применяла его постоянно, день и ночь.

«... Я гадала по всяким пустякам: гадала, придёт ли ко мне вечером кто-либо в гости или не придёт, что меня ожидает на следующий день, что через день и так далее.

И вот однажды, досыта нагадавши перед сном, я легла спать. Карты остались на столе, сложенные ровной стопочкой.

Утром, ни свет ни заря, схватила карты. Разложив их по определенному гаданию, сразу заметила, что не хватает одной карты. А без неё «узнать будущее» невозможно! Вы, наверное, догадались, какой карты не хватало, — одного из королей.

Я и там посмотрела, и туда заглянула, всю комнату обшарила — нет карты! Ну, и ну! Пришлось поневоле отвыкать от гадания, в которое уже погрузилась по горло. (Покупать новые не побежала, понимая, что за странным исчезновением карты что-то стоит.)

Через три месяца — снова эта цифра — потеря нашлась под шторой. Это выглядело так, словно мне её кто-то подкинул. Я смотрю на неё, она — на меня.

Задаю себе вопрос: могла ли я не замечать её, лежащую здесь, столько времени?

Отвечаю: нет, не могла.

Значит, опять домовый сработал!..»

Как я застряла в лифте

Катя искала не только счастливую любовь, и подруг тоже. Ей не хватало хороших дружеских отношений, с кем она могла бы поговорить и отвести душу.

«... Пошла я в гости к одной однокласснице, учились мы вместе. Девушка она была улыбка, одевалась хорошо, жила в центре города в квартире вдвоём со своим другом. Не скажу, кто являлся собственником квартиры, она или её друг, не знаю, но она часто рассказывала об их совместной жизни в переменах между парами.

Я слегка завидовала тому, что у неё был парень, и что ей не приходилось искать место, где помыться и постирать. Я-то жила в общежитие, и о городских удобствах мне приходилось лишь мечтать. И когда она позвала в гости, сказав:

— Катя, приходи! Посмотришь, как я живу.

— Лена, а что если в эту субботу?

— Нормально, я дома буду. Приходи!

Примерно ближе к обеду я приехала по адресу девушки. Среди моих знакомых много Лен, сопровождавших меня по жизни. И её звали Лена, как ни странно.

Зашла в красивый старинный дом эпохи Советского периода, высокие потолки эхом отзывались на мои шаги в подъезде. Едва нажав на кнопку на лифте, как его двери распахнулись, и я, ничего не подозревая, зашла внутрь. Нашла кнопку «пятый этаж».

Лифт тронулся, но, проехав два с половиной этажа, вдруг встал. Ни туда и ни сюда. Я стала нажимать разные кнопки, но никакого движения. Меня охватила растерянность. Что делать? — не имела никакого понятия.

Прислушалась. Кто-то шёл вниз. Хлопнула дверь. Нет, ни сюда. Стала ждать. Через какое-то время вновь послышались шаги. Опять хлопнула квартирная дверь, где-то ниже. Эх, как выбираться отсюда?

Так! Кто-то поднимается по лестнице...

Я принялась стучать в двери лифта. Снаружи остановились.

— Эй! Кто-нибудь... — позвала я. — Лифт остановился, помогите!..

Какие-то неразборчивые слова донеслись до меня.

— Вызовите лифтёра, — попросила громче.

— Попробую, — различила мужской голос.

Послышались шаги вниз по лестнице. Прошло минут пятнадцать. Шаги вернулись. Мужчина спросил:

— Вызвал слесарей, сказали в течение двух часов придут. Как вы там?

— Сижу... Переживаю, хватит ли мне воздуха...

— А вы, в какую квартиру шли? Может быть, позову ваших знакомых.

Я назвала.

— Это на пятом этаже, нет, не знаю, а кто там живёт?

— Там Лена Кривольская живёт.

— Нет, не знаю такой, — ещё раз ответили мне. — Как бы лифт открыть, — стал рассуждать вслух мужчина. — Я сейчас попробую чем-нибудь раздвинуть двери.

— Хорошо бы, а то тяжело дышать становится, — сказала я.

Слышно было, как мужчина удалился. Через некоторое время он вернулся и начал всовывать какой-то инструмент между дверцами. У него получилось, и дверь немного приоткрылась, сантиметров на пятнадцать. В образовавшуюся щель я разглядела молодого мужчину. Он попробовал раздвинуть двери и дальше, они не поддавались.

— Ну, ладно, — наконец сказал он. — Лифт застрял между этажами, поэтому дверь не открывается больше. Если б он застрял на этаже, то можно было бы открыть.

Я смотрела на мужчину, и моя голова находилась примерно на уровне его пояса. Да, неловко как-то.

— Лифтеров я вызвал, воздух у вас есть, — продолжил он, немного наклонившись ко мне. — Я пойду. Мне за дочкой надо в детский сад идти.

— Конечно, идите, — с печалью в голосе сказала я, не представляя, сколько мне тут сидеть взаперти.

— Дождётесь слесарей, вам откроют. Я-то всё равно больше ничем помочь не могу.

— Спасибо вам!

Мужчина ушёл. Прошло примерно полчаса или более, как послышались шаги сверху. Кто-то спускался. Среди голосов мне показалось, что звучит знакомый голос.

Я прильнула к щели. Мимо проходила девушка, и это оказалась Лена. С ней рядом шла молодая женщина.

— Лена, — окликнула я девушку.

— О! Катя! Ты что там делаешь? — захихикала она.

— Я к тебе в гости пришла, — сказала я.

— А ты что, застряла? — Лена ещё больше захихикала.

— Как видишь... Слесарей вызвали, жду.

— Ну, ладно... сиди... — Лена собралась идти дальше.

— Лена, ты куда? — окликнула я одноклассницу, глядя на неё снизу вверх.

— Мы в баню пошли. Воды горячей нет, отключили, помыться надо.

— А ты когда вернёшься? — пыталась её как-то удержать.

— Часа через два... — возникла пауза. — Ладно, пока, — добавила она.

Лена со своей спутницей ушли. В одно мгновение моя душа испытала сгусток разных эмоций. Человек пришёл к ней в гости, застрял в её лифте, а она, при виде своей одноклассницы, зная, что ей нужна помощь, ушла по своим делам, как ни в чём не бывало. Как так? Да хоть бы сказала, подождать её или отложила бы свою баню, к ней же в гости пришли в первый раз. Я специально не поехала к родителям, решила к ней сходить.

Когда открыли лифт, то я незамедлительно ушла прочь, подальше от этого безразличия и чёрствости. Подругами с Леной мы не стали, но её рассказы о друге и налаженной и обеспеченной жизни меня больше не интересовали...»

В «объятиях» чужака

Конечно, Катя не утратила надежду на обретение однажды подруги. Она всем своим сердцем стремилась к этому. В детстве и в школе у них была весёлая и дружная компания. А сев за университетскую скамью, как обрубило — ни подруг, ни друзей, ни сердечного друга.

Когда наступило тёплое время года, Катина соседка позвала её с собой и своим другом на дачу. Катя согласилась без оглядки.

«...Ни о чём плохом я не подозревала, когда принимала их приглашение. Первые сигналы тревоги появились только при въезде в посёлок. А зайдя внутрь двухэтажного многокомнатного дачного домика, я встревожилась уже не на шутку. Всё внутри у меня сжалось. Но возвращаться назад было уже поздно — мы приехали на последнем автобусе, а до города порядка двадцати километров.

Для ночлега мне предложили одну чистенькую комнатку наверху. Однако в ней я не смогла провести и двух минут. Из всех пор комнаты сочилась угроза. Она как будто вся дышала миазмами кошмара. В ужасе я бросилась вон.

Когда сказала друзьям, что ни за что не буду спать одна в какой бы то ни было комнате, они разрешили мне спать в комнате на первом этаже вместе с ними.

Они быстро уснули, а мне, увы, было снова не до сна.

Со всех сторон раздавались какие-то шорохи, чудились какие-то передвижения. Я нервно вздрагивала и тарасилась во тьму, тщетно пытаюсь что-нибудь разглядеть.

Не знаю, сколько прошло времени. У меня слипались глаза, и уже совсем погрузившись в прозрачные волны сна, почувствовала, что сильно замёрзла. Трудно уснуть, когда тебя подбрасывает от холода. Забравшись под два одеяла и стараясь согреться, я не заметила, как меня захлестнул поток мыслей.

Вдруг на каком-то подсознательном уровне я уловила, что в дальнем углу комнаты формируется некая подвижная масса. По своим качествам она напоминала резиновый туман. Эта масса растягивалась и разрасталась, охватывая кровать по всей длине.

Мне стало дурно. Изо всех сил старалась сбросить наваждение. Но резиновый туман продолжал своё наступление. Он окружил мою кровать и стал подниматься, охватывая всю меня. Ощупав сначала мои ноги, а потом живот и грудь, ползущая масса, казалось, решительно обтягивала меня некой омерзительной тягучей оболочкой.

Тело перестало ощущаться, словно оно исчезло. Стало трудно дышать. Мозг констатировал начавшееся удушье. Невероятным усилием воли я разомкнула челюсти и завопила, как мне думалось, на весь дом.

— А-а-а!

Не сразу осозналось, что ору... без голоса. Его не было. Паника, в какую я при этом впала, не знала границ. Мозг отказывался контролировать происходящее, и тогда подключился инстинкт самосохранения.

Сначала моё тело сильно напряглось. И затем, пытаюсь высвободиться из-под давившей тяжести, оно так задрожало, что мощь производимых при этом колебаний подбрасывала меня вверх на несколько сантиметров. Казалось, что моё тело отскакивает на кровати, совершая своеобразный ритуальный танец.

Хватка тумана ослабла. И я поспешила наполнить лёгкие свежим воздухом, одновременно пробуя пошевелить затекшими конечностями.

Резиновая масса неохотно сдавала свои позиции, выпуская меня из своих удушливых объятий. Прежде чем окончательно раствориться в предрассветной мгле, она погладила меня.

Я ощутила, как нечто гладкое и тёплое, похожее на резиновые пальчики, мягко скользнуло по моему лицу. Моё состояние было близко к шоку, и в следующее мгновение отключилась.

Утром, когда все проснулись, я попыталась поделиться пережитым с друзьями.

— Это всего лишь твои страхи. Выброси всю эту чепуху из головы, — посмеявшись над моим «ночным бдением», посоветовали они...»

С тех пор Катя очень тщательно выбирала, куда ехать на ночлег. Этот случай напомнил ей пару случаев, когда она впервые столкнулась с неизвестным.

Гость

«...Помню, я тогда училась в начальной школе. Наша семья недавно переехала в новый дом, построенный в центре города. Квартира состояла из двух комнат, разделенных длинным Г-образным коридором. Как правило, днем я всегда сидела в своей маленькой комнате и учила уроки. Дверь в комнату держала закрытой.

И вот как-то раз я услышала шаги... Они возникли неожиданно где-то в глубине квартиры и начали медленно приближаться. Негромкий, но четкий звук неумолимо приближающихся шагов мерно раздавался в пустом коридоре. Я вся сжалась и едва дышала. Моему воображению рисовалась фигура кровожадного призрака, врывающегося ко мне в комнату и исполняющего свой какой-нибудь ужасный замысел.

Я не отрывала взгляда от двери. Шаги все ближе и ближе. Сейчас, сейчас... У самых дверей шаги прекратились. Повисла жуткая тишина. Моя кожа вся вздыбилась от ощущения, что призрак стоит там, за дверями, и сквозь них разглядывает меня.

Ужас, сковавший меня, противно бухал в груди. Потом меня затрясло. Крупная дрожь была мое тело, как при сильной лихорадке.

Постепенно как-то все прошло. Но не прошел мой страх. Он засел в меня острой и ноющей занозой. После этого случая я стала бояться оставаться дома одна. Я все время чувствовала, что в доме есть кто-то еще. Этот кто-то невидимо находился где-то рядом со мной. И его постоянное присутствие сделало меня настороженной и пугливой. Я теперь часто оглядывалась и старалась не садиться спиной к дверям, чтобы не оказаться застигнутой врасплох...»

Это был первый раз, когда Катя столкнулась с неизвестным. Именно так оно вошло в ее жизнь. Бесцеремонно и неотвратимо. Потом потянулась подобно этой череда событий.

Неожиданная атака

«...Стояла душная летняя ночь. Я никак не могла уснуть. В какой-то момент в комнате почувствовалось слабое движение воздуха. Он стал как будто плотнее. Вслед за этим у меня возникло безобразно реальное ощущение, что кто-то большой и страшный возвышается прямо за моей спиной.

Перед моим внутренним взором сразу же предстала жуткая картина: меня бесцеремонно заталкивают в пыльный мешок и куда-то уносят.

Отяжелела голова. Давило на виски. Мной овладело мучительное чувство замкнутого пространства. Потом меня затрясло. Я покрылась холодным липким потом. Меня бросало то в жар, то в холод.

Не знаю, сколько времени пребывала в этом состоянии, как вдруг на меня посыпались удары.

Что-то сначала больно ударялось о мою спину, а затем шлепалось на пол. Я была ни жива, ни мертва. Тело онемело, и я не смела шелохнуться. Не помню, как провалилась в сон.

Утром, очнувшись от забытья, подумала, что нужно посмотреть на пол. Там валялись... игрушки. Перевела взгляд на полку, где они должны были стоять. Полка висела на противоположной стене от дивана, на котором я спала, и она была пуста...»

Друг — ремонтёр

Иногда по вечерам после учебы бывало очень скучно, хотелось с кем-нибудь поговорить. Катя заходила в соседнюю комнату, болтала с девочками. Но этого было мало. И внутренне, даже можно сказать, подспудно, её постоянно тянуло к противоположному полу. Её мечта — встретить Самого лучшего в мире парня подвигало её на случайные разговоры. В студенческие годы знакомиться всегда легко. Молодые сердца распахнуты для новых знакомств.

«...С Разифом я познакомилась в коридоре общежития. Поднимаясь как-то к себе на шестой этаж, на последнем лестничном пролете наткнулась на троих кутивших парней. Один из них при моём приближении обернулся и предложил покурить с ними. Парень выглядел худым, словно недоедавшим. Привлекал он только своими глазами. В них плясали озорные огоньки. Я вежливо отказалась.

— Мне бы лучше не сигарету, а помощь предложили.

— Какую? — живо поинтересовался парень.

— Электроплитка у меня сломалась, не знаю, как быть теперь.

Парень спросил номер моей комнаты и пообещал зайти вечером.

— Кстати, как тебя звать? Дверь-то кому открывать?

— Разиф. А тебя?

— Катя. Ладно, пока.

— Пока, приятно было познакомиться.

Я не ответила, ушла к себе.

Не очень-то верилось приходу помощника, но он всё же пришёл, правда, поздно, ближе к одиннадцати вечера. Постучал, на вопрос «Кто там?» откликнулся своим именем. Я впустила его. Оглядевшись, попросил показать сломанную плитку.

Показала.

Парень, повертев её немного, сказал:

— Можно попробовать отремонтировать. Сегодня уже поздно, да и инструментов при себе никаких нету, поэтому уж завтра.

— Хорошо, буду ждать завтра...

На следующий день Разиф явился в назначенное время, прошёл в комнату и вскоре плитка в его руках заработала. Он в ней что-то поменял, что-то почистил и протянул мне со словами:

— Принимай!

Я обрадовалась. Накормила гостя ужином, который был сварен на общей плите, и на этом мы попрощались.

Его долго не было. Вдруг однажды он снова появился. Радостный, улыбающийся. Проходить в комнату не стал, а потоптался у порога минут пятнадцать, спросил:

— Нет ли чего отремонтировать? — и ушёл.

Ремонтировать у меня ничего не нашлось, а чем его привлечь — не знала.

«Видимо, на всякий случай следует приготовить что-нибудь для починки, а то вдруг снова зайдёт», — подумала я...

Приготовила.

Когда он вновь пришёл, я чуть ли не торжественно поставила перед ним электрический чайник, который якобы невзначай сломался. Разиф выразительно хмыкнул, но от работы не отказался.

Раньше электрочайники не были в ходу. И они выглядели совсем не так, как современные. Это был алюминиевый чайник с отсоединяющимся шнуром для подогрева. И хотя у меня на столе стоял новый, взамен старого, его я спрятала, как только за дверьми комнаты раздался голос Разифа.

Разиф со знанием дела принялся за работу. Поковырялся немного, и чайник запыхтел, как новенький. Я была счастлива. Одарив парня многочисленными «спасибо», предложила задержаться, посидеть подольше. Но он торопился, как и в прошлый раз.

Странно...

— У тебя есть подруга? — спросила я.

Слегка смутившись, он быстро проговорил:

— Нет-нет, мне уже пора.

Раскланялся и быстро ушёл, словно боясь, что не устоит перед уговорами и останется.

Этим Разиф разжёл моё любопытство. Ходит, чинит старьё. А сам даже не делает попыток остаться или ещё чего.

Зачем ему это?

Я старалась удержать его всеми способами. Например, пыталась накормить как-нибудь повкуснее. При наличии электроплитки и чайника сталинских времён трудно было состряпать что-нибудь изящное. И, как ни странно, эти электроприборы сыграли свою знаменательную роль в этой истории.

Они часто ломались, а Разиф мог легко починить не только чайник или плитку, но и магнитофон. Он каждый раз широко усмехался, когда я сообщала ему об очередной поломке, на другой же день приносил необходимый инструмент и быстро устранял проблему.

Разиф приходил в течение всего года на короткий чай и, если ничего не было, где его руки могли бы пригодиться, уходил. Он так ни разу и не остался.

Но вот однажды ближе к лету, когда минул уже почти год, как мы познакомились, Разиф позвал меня прогуляться по городу. Мы шли и весело смеялись. Мы успели пройти всего одну остановку, когда Разиф вдруг страшно заволновался. Буквально втащив меня в телефонную будку, что находилась в двух шагах от нас, он повернулся спиной к улице и начал нервно набирать номер на аппарате, у которого была оторвана трубка.

Я во все глаза смотрела на своего знакомого. Выразить недоумение мне не дала девушка, которая непостижимым образом через пару секунд оказалась около нас.

— Ты всё врал!!! — нервно и громко прокричала она и побежала. — Больше ко мне не приходи! — совсем уже истошно закричала она, оборачиваясь на ходу.

— Катя! Стой! Я тебе всё объясню!

Разиф бросился за девушкой. Мне стало всё совершенно ясно.

— И зовут её так же, как меня, — вздохнула я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.